

Алексей Сазонов

«Ну, не может нормальный человек непрерывно думать о государстве. Даже об этом государстве».

Театр сатиры приступил к репетициям новой английской комедии. Зрителям будущего спектакля прекрасно знакомо имя автора перевода –

Михаил Мишин

«СВОБОДА ЛУЗГАЕТ КУЛЬТУРУ»

Мое К Новостям 2003 31 марта с 19.

Михаил Гутерлин

Сцена из спектакля «№13» (Авангард Леонтьев, Леонид Тимцуник, Евгений Миронов)

го американского комедийного телесериала «Друзья». Русскоязычные американцы, приезжая к нам, удивлялись, как можно было этот труднопереводимый сериал сделать так хорошо на русском.

– Вам было интересно этим заниматься?

– К концу поднадоело, но опыт получил. Каждая серия этих «Друзей» снимается в присутствии зрителей. Смех за кадром – естественный. Шутки основаны на реалиях американской жизни, и после каждой – взрыв американского смеха, который я и вырезать-то не могу. А надо же как-то сделать, чтобы для русского уха этот смех был оправдан и органичен. Да еще слова наши в два раза длиннее английских. Он там уже фразу закончил, а я тут еще не начал. Актеры на записи поначалу злились, не понимали, чего я от них хочу. Привыкли за смену переводить по три серии какого-нибудь: «Мария-Луиза, нам надо поговорить». «Мария-Луиза, я рад, что мы поговорили». «Мария-Луиза, нам надо поговорить про наш разговор»... А тут – комедия. Чуть вправо, чуть влево, чуть длиннее, чуть короче – и все, нет смеха.

– Вы владеете еще испанским. С него тоже переводите?

– Сейчас уже совсем не владею. И уж испанский-то точно был для себя. Правда, вышел некогда сборник, где одну половину составляли рассказы ленинградских писателей, а вторую – рассказы кубинских, переведенные ленинградцами (а я тогда в Ленинграде жил). Так там есть два рассказика одного кубинца в моем переводе. Что, помню, жутко льстило самолюбию самоучки.

– Не поверю, что этим ваше самолюбие удовлетворилось.

– Общественное – полностью. А личное зудело еще. Помню, мне привезли «Хронику заранее объявленного убийства» Маркеса. Она только

вышла тогда и на русском еще не появилась. Я прочитал, был сражен и решил – переводу. Все забросил – и сидел. И высидел. Никому не показывал – стеснялся. А недавно нашел ее у себя – около сотни машинописных листов. Снова был потрясен.

– Качеством перевода?

– Степенью фанатизма. Сейчас бы не смог.

Фанатизм датируется 1981 годом, когда у Мишина не было необходимости отвлекаться на переводы. В это время писатель работал над спектаклями «Его величество театр» и «Лица» для Театра Аркадия Райкина. Начинались съемки комедии по рассказам Мишина на «Ленфильме». Проходили его выступления в разных городах. И владение эзоповым языком тогда, понятно, ценилось больше, чем владение любым иностранным...

– А ваши собственные тексты поддавались переводу?

– Переводили что-то – на чешский, польский, английский. Хотя не понимаю, как вообще можно наши дела переводить? Однажды даже – давно уже – со мной встретился какой-то парень из Афганистана, переводчик, который здесь когда-то учился, и подарил мне журнал. До сих пор не знаю, что за язык – то ли фарси, то ли арабский. Он утверждал, что эти значки – мой рассказ.

– Неужели афганцам была понятна наша жизнь?

– Учитывая то, что мы сделали с Афганистаном, могли понять. Потенциальным переводчиком Мишин мог бы создать большие сложности. Что бы они делали, скажем, с изобретенным им и вошедшим в наш язык словом «одобряем-с»?

– За основную деятельность вы получили, кажется, все награды, какие только возможно, – от «Золотого теленка» (даже двух) до «Золотого Остапа». А за театральные переводы вас не награждали?

Михаила Мишина последнее время мало видно. Что вызывает большое сожаление, которое усиливается оттого, что его и мало слышно. Зато теперь его имя, плавно перетекающее в фамилию, часто встречается на театральных афишах. Там, рядом с названием пьесы зарубежного автора, для грамотных написано: «Перевод и редакция – Михаил Мишин».

В конце 90-х Мишин писал: «Мир сжимается... Местные языки и диалекты слиплись в один глобальный – «Ю хэв мани, ай вонт ю». И вот с этого глобального писатель, не учившийся на переводчика, но знающий язык настолько, чтобы переводить без подстрочника, а главное – блестяще владеющий жанром, перевел уже 10 комедий. Они шли и продолжают идти во многих театрах страны. Так, уже третий сезон на сцене МХАТа имени Чехова с неизменным аншлагом идет спектакль «№13» по пьесе английского драматурга Рэя Куни в переводе Михаила Мишина. А сейчас Театр сатиры приступил к репетициям пьесы того же Куни «Слишком женатый таксист» в его же, Мишина, переводе.

В интервью «МН» Михаил МИШИН рассказал о себе как о переводчике:

– Почему вы стали этим заниматься?

– Всегда нравилось. Переводил рассказы Шекли, Брэдбери, стихи Фроста. Но все это для себя, это нигде не выходило. Я и первую пьесу-то стал переводить тоже для себя, не имея в виду никакого практического применения.

Первой, заметим, была пьеса американского драматурга Леонарда Герше «Эти свободные бабочки». И практическое применение ей нашлось сразу: она была поставлена в Театре Комиссаржевской в Петербурге, а потом разлетелась по всей стране и играется до сих пор довольно много. В Москве шла даже в двух театрах параллельно. Следующие переводы для сцены тоже оказались востребованными. Был даже случай, когда в театре, где уже начали репетировать одну английскую пьесу, прочитав перевод Мишина, стали репетировать заново.

– Я была на спектакле «№13».

Люди у входа выпрашивают лишний билетик, при этом наверняка даже не зная, кто такой Куни. Почему у вас и у театров возник интерес к этому автору?

– У меня – абсолютно случайно. Я валялся в больнице, и мне приятель принес почитать пьесу. Я хохотал так, что медсестры пугались.

– Там что, и до вас было смешно?

– Комплимент считаю грубым. Конечно, было. Они там в Англии вообще считают Куни национальным достоянием. На его спектакли во всем мире продано около 100 миллионов билетов. Пьесы на 40 языков переведены. А на русском его до меня, сколько я знаю, не было. После «№13» перевел еще две его комедии. Такие лихо закрученные, мастерски сделанные. Без сверхзадач. Без разговоров с Богом. Два часа веселой игры – и все. Приверженцы театра-кафедр, храма и школы жизни могут не беспокоиться.

– Пьеса «№13», несмотря на то что

главным героем в ней является помощник британского премьер-министра, совершенно аполитична. Нетрудно догадаться, какой была бы наша пьеса про помощника нашего премьер-министра.

– Была бы дико разоблачительная вещь. С бичеванием коррумпированных министров, захравшихся депутатов и продажных журналистов. И это не плохо и не хорошо. Это такой вид спорта. Наш. С гениальными чемпионами – Островский, Сухово-Кобылин, Гоголь. Смех сквозь слезы – это наше. А легкого сценического анекдота в России никогда не было. Той же комедии положений. Когда смех сквозь смех. А он человеку тоже нужен. Ну, не может нормальный человек непрерывно думать о государстве. Даже об этом государстве.

Это тем интереснее, что сам Мишин когда-то думал о государстве больше, чем государству этого хотелось. И что еще важнее, был одним из тех, кто брал на себя смелость не только думать, но и говорить. После чего целые залы брали на себя смелость смеяться и аплодировать.

– Вряд ли с тех пор вы стали меньше думать. Но почему вы стали меньше говорить – со сцены, с экрана?

– Сперва сознательно. Хотел больше сидеть за столом. Потом как-то выскочил из процесса. Иногда жалею. Раньше нравилось выступать. Встреча со зрителями смахивала на сходку декабристов: ты намекал, они радостно угадывали – на что. После выступления подходили, руку жали. «Ох, тебя посадят!» – высшая похвала была. Теперь тот кайф пропал. К счастью, в общем-то. Но живые глаза все равно ничем не заменить. Так что со сцены, когда зовут, выступаю. А насчет экрана – ну, а куда там втиснуться? Там весь юмор лежит на трех зубатых китах – «Аншлаг», КВН и бесконечный чесоточный стеб. Плюс веселый тир политической сатиры. Метание огненных стрел в Шандыбина, Жириновского и в олигархов. Нужное дело. Метателей уважаю. Но у самого как-то пропал интерес следить за ежедневным бульканьем этой кипучей бучи.

– И ничего в этом мире не хотелось бы изменить?

– Все хотелось бы. Но в каком – в этом? Реального мира давно нет – мы про него ничего не знаем. Живем в телевизионном. Весь наш мир – в ящике. Знания – телевизионные, чувства – телевизионные, герои все – за стеклом. Погода – из телевизора, мысли в голове – из него же. Меняют экранного начальника – такое впечатление, что взрывается галактика: «Его назначили, он ставленник, он удушит!» Потом те же люди: «Его уволили, придет ставленник, он удушит!»

– Но, может быть, эта замена – какой-то симптом?

– Конечно. Телевизионный симптом телевизионной жизни. Кстати, я тоже не в белом фраке. Спазматически где-то там тоже мелькаю. А придумалось бы что-то интересное – мелькал бы чаще.

Несколько лет назад Михаил Мишин внес неожиданный вклад в телевизионную жизнь – в виде русского текста первых двух сезонов очень популярно-

СОБЕСЕДНИК

Мишин
Мишин

31.03.03

– Не знаю даже, есть ли такие номинации. Если нет, глупо. Перевод – высокое ремесло. Это как в музыке. «Лунную сонату» может сыграть Рихтер, а может – пятиклассница Маша Сыроежкина. Ноты те же. Так и тут. Перевод отнимает у Мишина много времени, но только им писатель не ограничивается. За последние годы совместно с известным драматургом Александром Червинским им были написаны комедийный телесериал и комедия для большого кино, но из-за всяких кризисов они так и не были сняты. Сейчас готовится к изданию том Мишина из серии «Антология сатиры и юмора России XX века».

– Что вам не нравилось в прошлом столетии, более или менее понятно. А что вызывает у вас наибольший протест в XXI веке?

– Музыка из ларьков. Выйти же невозможно – из каждой лавки визжит, хрипит и блямкает что-то компьютерно-блатное. Свобода лузгает культуру на каждом углу... Но, конечно, разница с прошлым веком принципиальная. Там была несвобода общая, на всех одна. Потом ее радостно обрушили, и тут же из-под обломков самовластья выползла несвобода каждого. Этот – вялый, тот – трусливый, этот – бездарный. Борьба с несвободой пошла в личном зачете.

В условиях общей несвободы Михаил Мишин сильно разбрасывался (хоть и в пределах одного жанра). Продолжает разбрасываться и в условиях частной. Говорит, что это – от нехватки целеустремленности: то одно делает, то другое, а с помощью перевода, в частности, отключается от окружающего действительности. Зато последнее, судя по всему, делает целеустремленно, но, к счастью, безуспешно.

– Мы ничего важного из ваших занятий не упустили?

– Даже ничего неважного. Да вся моя биография рассказывает за десять минут. За пятнадцать – со сносками и примечаниями. На двадцатой минуте припомню даже то, чего не было, то есть лучшее. На двадцать пятую жизнеописание начнет становиться некрологом.

Я посмотрела на часы. Шла 24-я минута нашего разговора.

Я поняла – пора прощаться.

Юлия ЛАРИНА

PS. Когда интервью было готово к печати, началась война в Ираке. Присходящее Мишин смог сравнить только с переведенным им произведением:

– Настоящая хроника заранее объявленного убийства. С рекламой на весь глобус. «Премьера через неделю, через день, через час...» «Вы смотрите телешоу «Война в прямом эфире!»! Участники возбуждены, телезрители увлечены. Призы – ценные. Аплодисменты – бурные. А главное – рейтинг небывалый. Смертельный.